

НУМЕРОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ СИМВОЛИКИ

Одной из оригинальных особенностей древнерусской литературы является употребление писателями числовой символики. Нумерология (числовая символика), известная уже древнейшим обществам человечества, в условиях христианства превратилась в область сакрального богословия. Много лет вдумчивого внимания этой проблеме уделяет историк древнерусской литературы В.М. Кириллин. Недавно результаты его исследований были суммированы в монографии «Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века)» и докторской диссертации (1). Ссылки на книгу Кириллина даются в тексте настоящей статьи.

Основное содержание книги посвящено анализу древнерусских текстов на предмет отражения в них числового символизма. По мнению Кириллина, своего рода вершиной иносказательного использования чисел является творчество знаменитого писателя Епифания Премудрого (2-я пол. XIV - 1-я четв. XV в.) Так, в написанном им «Житии» св. Сергия Радонежского используются мотивы чисел 3, 7 и 12 для передачи сакральной информации. Указанные три числа являются нумерологическим ключом к тексту «Жития». С их помощью Епифаний выражает «сакральные тайны Божественного промысления - то именно, о чем говорить прямо было невозможно, да и считалось, по-видимому, грехом. И вполне, полагаю, можно подобный способ художественной интерпретации бытия назвать умозрением в числах» (С. 221). Например, число 3 используется Епифанием в трактовке биографии святого и в качестве художественной детали, и при построении риторических фигур (на уровне словосочетания, фразы, предложения, периода). Тройка характеризует как содержательную сторону произведения, так и его сюжетно-композиционную структуру. В целом же число 3 выражает стремление агиографа эстетически передать бытие Божие в его троичности, следуя в этом известной на Руси традиции символического богословия.

Мистичность отношения к числу 7 со стороны Епифания Премудрого в произведении выступает в качестве фактографической подробности и в виде элемента художественного, образного рассказа о святом. Древнерусский автор последовательно применяет так же потаенную форму представления семерки в композиции текста с целью выражения духовно-нравственного облика Сергия Радонежского как подвижника добродетели. «Семерки употреблены Епифанием в связи с характеристикой добродетели троицкого подвижника, в контексте оценки нравственной высоты его жизни, исполненной самоограничения, самоуничужения и молитвенности» (С. 208).

Число 12, символический смысл которого выражался в богоизбранности служителя Церкви, в «Житии» Сергия Радонежского используется как явно, в качестве повествовательных деталей, так и сокровенно, - в виде структурирования фрагментов текста по двенадцатиричному принципу. Посредством явного и сокровенного введения образов числа 12 Епифаний Премудрый стремился высветить мистико-символическую идею о совершенстве молитвенно-аскетического подвижничества святого. «Таким способом художественного воздействия Епифаний Премудрый, несомненно, формировал представление ... о преподобном Сергии Радонежском как об идеальном игумене» (С. 204-205).

Итак, Епифаний Премудрый, применяя средства сакрально-мистической символики, посредством чисел 3, 7, 12 увеличивает и углубляет в рассказе о святом радонежском подвижнике теологическое и историософское звучание.

Кириллин не только рассматривает нумерологические особенности памятников в рамках литературной символики. Он убедительно обосновывает, что числовая символика может быть проявлением творческого метода конкретного древнерусского автора, (например, Епифания Премудрого), а не просто случайным набором числовых признаков, который по произволу ученого (Кириллина) возводится в «ранг» индивидуальных особенностей средневекового писателя. Для этого исследователь «выходит» из нумерологии, как области литературного богословия, и обращается к текстологии, в рамках которой решает сложную источниковедческую проблему атрибуции конкретного произведения. Известно, что «Житие» св. Сергия Радонежского, созданное Епифанием Премудрым ок 1418 г., в своем первоначальном виде не сохранилось (2, С. 330-336). В 1908 г. В. Яблонский в Пространном варианте «Жития» отнес перу Епифания «Похвальное слово», Предисловие и первые 10 из тридцати глав произведения (3, С. 45, 62). Эту атрибуцию недавно подтвердил Б.М. Клосс на основе палеографических и текстологических соображений (4, С. 155-159). Если нумерологические пристрастия Епифания к числам 3, 7, 12 действительно имели место, то тогда они должны достаточно широко наблюдаться в 10 первых главах «Жития» св. Сергия Радонежского и отсутствовать в остальных главах. Как установил Кириллин, «в самом деле, первые 10 глав памятника наделены такими особенностями, каких нет или почти нет в прочих главах «Жития»» (С. 251). В качестве этих особенностей ясно представлены повествовательные и композиционные структуры на основе чисел 3, 7, 12 при описании наиболее значимых моментов жизни св. Сергия в рамках христианской ментальности.

Нумерологические мотивы не просто случайные вкрапления в древнерусские произведения, а метод художественного и психологического воздействия на читателя. Это ярко выражено в творчестве Епифания Премудрого, но должно рассматриваться в качестве своеобразного компонента древнерусской литературы в целом. А между тем, этому явлению, характеризующему духовную сакральность творческого потенциала Руси, в

славистических исследованиях уделяется недостаточно внимания. Кириллин фактически является первооткрывателем этого компонента древнерусского литературного творчества.

Следует отметить, что ученый не ограничивается простым выявлением нумерологических примеров и изучением их места (и роли) в духовно-художественном контексте отдельных древнерусских произведений. Он разрабатывает теоретические подходы в исследовании принципов нумерологии как феномена древнерусской культуры. В этой связи заслуживает внимания его классификация нумерологических проявлений по категориям: нумерологом (чисел-слов) и нумероформ (чисел-структур) (С. 252). Их воздействие на читателя имело разную психологическую окраску. Нумерологемы непосредственно влияли на сознание, т.к. в явном виде отражали реальное бытие. Нумероформы это сокровенные (тайные), сокрытые, «утопленные» в повествование числовые структуры, повторяющие «открытые» нумерологемы. (Так, для творчества Епифания Премудрого нумерологемы и нумероформы имеют одинаковое числовое выражение 3, 7, 12). Психологическое воздействие нумероформ напоминает современные приемы влияния на подсознание, например, путем включения в киноленты (в рекламных или пропагандистских целях и пр.) информации, которая в явном виде не видна в кино- или телеизображении, а тем не менее запечатлевается в мозгу, вызывая эффект запоминания, ведущего к желаемому информационно-психологическому запечатлению (5). Раньше не было отчетливо замечено, что аналогичный психологический эффект обращения к подсознанию уже использовался древнерусскими писателями. Его выявил Кириллин и в этом проявляется его глубокое понимание семантики средневековых текстов, их идейно-образного символизма.

Еще один аспект теоретического осмысления символики чисел обусловлен связью между нумерологией и математическими знаниями. Здесь также имеют место явные и скрытые проявления. К явным относятся цифровые (знаковые) и словесные выражения чисел, а к неявным - семантико-числовые характеристики, раскрываемые на основе вычислений. Так, известная еще со времен античности символическая тождественность чисел 4 и 10, может быть объяснена на основе суммирования, первых 4-х натуральных чисел ($1+2+3+4=10$), результатом которого является 10. Более сложная математическая закономерность обнаружена Кириллиным в «Хождении игумена Даниила», созданном в начале XII в. Пересказывая ветхозаветный текст о Содоме и Гоморре, древнерусский автор изменяет первоначальный числовой ряд о праведниках, давая его в следующем виде: 50, 30, 15, 5. Числа здесь идут, подчиняясь жесткой математической закономерности: разность между ними всякий раз уменьшается на 5 единиц (20, 15, 10), и сами чередующиеся числа кратны 5 (С. 142).

Между прочим, предпочитаемые Епифанием Премудрым сокровенные числа 3, 7, 12 также связаны между собой неявным математическим соответствием. Последнее из указанной тройки - число 12 - имеет своими делителями 3 и 4; первый делитель - 3 - входит в совокупность епифаннев-

ской тройки чисел. Если сложить делители ($3+4=7$) получится второе число из исходной тройки. Выходит, что между числами 3, 7, 12 в действительности существует скрытая связь, которая проясняется на основе вычислений (С. 219).

Бесспорно, что нумерология связана с математическим знанием. Однако эту связь, по-видимому, нельзя обусловить чисто логическим подходом по принципу: что первично, а что вторично. Ясно, что если бы не было чисел, то не было бы нумерологии, основанной на них. Однако не совсем понятно, как человек пришел к идее чисел. Скорее всего, он первоначально воспринимал их как сакральные (божественные) сущности на уровне бытовой магии, обожествлявшей не только окружающую природу, но значимые события жизни, например, процесс воспроизводства людей. Так, древнейшие обозначения, до сих пор сохраняющиеся в системе римских чисел, имеют сексуальное истолкование. Один вертикальный знак (единица) символизирует фаллос, два вертикальных знака (двойка) - вульву, три вертикальных знака (тройка) - половой акт, чреватый появлением новой жизни. Не этой ли символикой обусловлено отождествление нечетных чисел с мужским, а четных чисел с женским началами? Вероятно, числа сразу воспринимались как сакральные сущности, что, возможно, обусловило принципиальное существование нумерологии как числовой символики. Этим объясняется их использование в различных религиозных конфессиях (иудаизме, православии, католицизме и пр.), причем одни и те же числа могли иметь разный смысл. Например, тройка в православной нумерологической традиции, отраженной в древнерусской литературе, выражает божественную Троицу, тройка же в западноевропейской символической традиции, вобравшей в себя античные и др. представления, имеет много значений, среди которых Троица, вроде, не встречается (6, С. 87-124).

Подход к числам, как изначально сакрализованным сущностям, подтверждается древнерусской календарно-математической традицией, которая отличалась сакральным характером (7, С. 6-47). Кириллин видит в этом подтверждение склонности «средневекового сознания к мистицизму вообще и сакрализации числовых отношений в частности» (С. 239-240). Возможно, понимание чисел и арифметических операций как своего рода теологических представлений, а не составной части «внешнего» по отношению к богословию знания, привело к тому, что из четырех предметов классического квадривия (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) только арифметика никогда официально не подвергалась церковным запретам. Правда, в «Азбуковниках» XVI-XVII вв. «мафиматикийские книги», т.е. все науки квадривия, следовательно, включая арифметику, признавались колдовскими и подлежащими православному осуждению. При этом авторы-редакторы ссылались на авторитет Максима Грека, который в действительности математические знания не запрещал, а лишь предостерегал об их несправедливом использовании (в астрологии) (8, С. 347-349).

Несмотря на явную связь древнерусской нумерологии с математическими представлениями и принципиальное принятие Кириллиным этого факта, он недостаточно уверенно, излишне робко использует данные о математике и календаре Древней Руси. Это приводит к некоторым слабостям изложения, которых можно было избежать, т.к. Кириллин стремится подходить очень ответственно к своей работе. Так, он неверно датирует «Вопрошание» Кирика Новгородца 1136 годом (С. 121). В указанном году Кириком было написано другое произведение - «Учение им же ведати человеку числа всех лет», а «Вопрошание» относится к середине XII в. В этой описке с датой проявляется недостаточное внимание Кириллина к важнейшему календарно-математическому сочинению Руси, каким является «Учение» Кирика, в котором обобщены древнерусские представления о календаре и числах (9, С. 25-56). По-видимому, «Учение» Кирика более адекватно раскрывает осознание природы числа древнерусским человеком, поэтому использование этого трактата расширяет возможности исследования феномена нумерологии, чему как раз посвящается работа Кириллина.

Ограничение внимания автора к особенностям восприятия чисел древнерусским человеком только литературными памятниками и соответствующим научным тезаурисом, неучет реальной календарно-числовой традиции приводит и к другим издержкам. Так, исследуя нумерологические особенности «Сказания о Тихвинской Одигитрии», редакции Б., Кириллин устанавливает, что годы пожаров образуют следующий ряд чисел 6891-6898-6903-7008-7015. Вычитая последовательно из больших меньшие годовые числа, он получил ряд 7-5-105-7, который характеризует как симметричный: «Можно также говорить о симметрии их распределения» (С. 240). О какой симметрии идет речь, понять трудно, т.к. записанная числовая последовательность явно несимметрична. Она была бы таковой, если бы, например, вместо 105 стояла пятерка: 7-5-5-7. Тогда бы левая часть записи была строго симметрична правой (и наоборот). А между тем, если представить годовые числа в форме «малых лет» (10, С. 13-15), как их записывали на Руси: 91-98-03-08-15 и произвести соответствующие вычитания, то получится искомая симметричная форма 7-5-5-7.

Удивление вызывают слова Кириллина: «Известно, что всякая древнерусская дата, обычно данная в счислении от С.М., при переводе в счисление от Р.Х. могла иметь в восприятии средневекового книжника, по крайней мере, два значения: если последний ориентировался на западноевропейскую традицию, то он исходил из разницы между счислениями - в 5508 лет, а если он придерживался древнерусской традиции, то исходил из разницы - в 5500 лет» (С. 343). Кириллин, как внимательный, ответственный и осторожный исследователь, обычно свои суждения подкрепляет ссылками. Однако в данном случае таковая отсутствует, причем разделение дат на древнерусские и западноевропейские используется Кириллиным и далее. В действительности же, тот счет времени, который он связывает с «западноевропейской традицией» (с разностью в 5508 лет), был

наиболее употребимым на Руси с конца X в., после официального принятия христианства. Он в науке широко известен под названием «византийской» или «константинопольской» эры (11, С. 136-138). Некоторые авторитетные хронологи именно эту эру называют «древнерусской»: «Эра имеет название константинопольской, а также древнерусской» (12, С. 64, 238). Тот счет времени, который Кириллин связывает с древнерусской традицией, в хронологии называется «антиохийским» (с разностью в 5500 лет). Он на Руси был представлен слабо, например, получил некоторое отражение в «Повести временных лет» нач. XII в. (13, С. 40-42).

Работа Кириллина подтверждает правило, гласящее, что тяжело быть первооткрывателем. Новое знание обычно лежит на пересечении наук, иногда имеющих далекое друг от друга содержание, а человек не может объять всего. На его эрудицию решающим образом влияет базовая научная специализация: по «родной» дисциплине он знает много, а из других областей имеет отрывочные или неточные сведения. Поэтому мои замечания не следует воспринимать как неодобрение важной работы Кириллина. Отмеченные издержки изложения, вообще, можно было не упоминать, т.к. существенного влияния на выводы автора они не оказывают. Основной причиной, которая заставила меня их привести, это возможность отметить «перекос» в современном научном образовании, ориентирующим на узкую специализацию. Это, наряду с положительным эффектом, дает известный отрицательный результат, заключающийся в отсутствии необходимой научной широты представлений. Поэтому негативный опыт Кириллина также полезен: он показывает, что древнерусскую культуру, которая характеризуется синкретичностью (как и всякая другая средневековая культура), переплетением различных линий религиозно-философского «пространства», необходимо изучать системно-комплексно. Встает вопрос: можно ли это сделать на данном уровне науки? Я думаю, что в настоящее время обнаруживается стремление в различных научных кругах России всесторонне исследовать проблему авторского самосознания древнерусского книжника-интеллектуала (14). Это сплочение в известной степени обусловлено непрекращающимися несправедливыми выпадами зарубежной славистической общественности в адрес древнерусской культуры как якобы крайне отсталой. Особенно в интеллектуальном отношении. Известна разъясняющая статья акад. Д.С. Лихачева 1963 г. по поводу характеристики американским ученым Дж. Биллингтоном Руси «культурой великого молчания» (15). И вновь, на IX съезде славистов в 1983 г. в Киеве бельгийский ученый Фр. Томсон выступил с докладом, в котором обосновывал интеллектуальную слабость культуры Древней Руси. Ему убедительно возразил Г.М. Прохоров, в то же время, признавая, что еще недостаточно изучен вопрос о кругозоре писателей и читателей Древней Руси (16, С. 3). Затем высказывается очередной американский ученый - Р. Хелли (1997г.) - о принципиальной неспособности древнерусского человека продуктивно мыслить из-за правополушарности головного мозга. И опять очередной отечественный ученый, на этот раз акад. Вяч. Вс. Иванов, об-

стоятельно разъясняет, что с мозгом у наших предков все в порядке: оба полушария были достаточно развиты (17, С. 161-202).

Спрашивается, до каких пор будет продолжаться этот задевающий наше национальное достоинство научный пинг-понг? В области изучения древнерусской грамотности (берестяные грамоты), духовной и светской литературы, художественной культуры (иконопись, миниатюра, фреска, скульптура) и зодчества достигнуты выдающиеся успехи, известные всему миру. Здесь, как говорится, не подкопаешься. Остаются зыбкие для «ухватывания» и сложные в исследовательском отношении результаты мыслительных способностей человека Древней Руси. До последнего времени это оставалось недостаточно изученной областью древнерусской культуры и ментальности. В последнее время благодаря работам В.В. Милькова достигнут прогресс в изучении истории мысли Древней Руси. Мильков убедительно показал, что мыслительный прогресс охватывал все религиозно-философское «пространство» Древней Руси, распространяя в обществе высокоинтеллектуальные импульсы, содержащие черты национального своеобразия (18). См. также (19, С. 119-123). Появились исследования, вскрывавшие новые черты и особенности в осмыслении на Руси числовых расчетов применительно к пасхалистике и календарным нуждам (20). Это «позволило по-новому взглянуть на источники, казалось бы хорошо изученные, а также существенно расширить сам их круг... Памятники эти позволяли придти к заключениям, меняющим установившиеся заключения» (21, С. 100).

Свою негативную лепту в распространение на Западе взглядов об интеллектуальной немощи древнерусского общества внесли эмигранты. Один из них, историк церкви и философ Г.П. Федотов в 1946 г. отмечал «убожество интеллектуальной культуры в Древней Руси» (22, С. 38-40). Кириллин, принципиально не соглашаясь с Г.П. Федотовым, считает, что «по существу данная мыслителем оценка славяно-русской интеллектуальной христианской культуры и опрометчива, и несправедлива» (С. 284). При этом Кириллин делает тонкое наблюдение и глубокое умозаключение, из которого следует, что Федотов вместе с западными учеными меряет древнерусскую духовную интеллектуальность как бы на иностранный аршин, что заведомо обречено на ложный результат. По Кириллину, надо понять, что умственная работа древнерусского интеллектуала была нацелена на «постижение Бога и единение с Ним. О том, как мастерски, умно, изящно и точно это делалось, как раз и свидетельствуют древнерусские нумерологические тексты (памятники символического богословия), обнаруживая вместе с тем совсем не убогий интеллект древнерусских книжников» (С. 285).

Указанный подход исключает, отстраняет от «невегласия» древнерусскую культуру в целом. Так, изучение истории древнерусской математики и календаря, несмотря на их светский инструментарий - число и счет (кстати, его же использует духовно-теологическая по своей сути нумерология), обнаруживает ту же цель: постижение Бога и единение с Ним. Одним

из средств достижения указанной цели служила церковная литургия, стержнем которой был пасхальный календарь. Им руководствовалась богослужебная практика: отсюда вытекает теологическая обусловленность определения точности ежегодных дат Пасхи. Историко-математические исследования последних лет показывают, что главным стимулом развития математических знаний на Руси было обеспечение точности календарных (пасхальных) расчетов, а не торговля и не мотивы образования (хотя эти стимулы имели и самостоятельное, но не решающее значение). Причем пасхальные расчеты на Руси, пользуясь словами Кириллина, производились «мастерски, умно, изящно и точно, ... обнаруживая вместе с тем совсем не убогий интеллект древнерусских книжников».

Книга Кириллина выделяет нумерологию в самостоятельную область теологического литературоведения с функциями специальной источниковедческой дисциплины, в будущем станущей, возможно, столь же необходимой при изучении древнерусских литературных текстов, как вспомогательные исторические дисциплины (например, геральдика, метрология, хронология и пр.) для изучения исторических источников. «Расправляющая крылья» нумерология обеспечит более адекватное понимание семантики древнерусской литературы, ее символических смыслов. И благодарные потомки будут помнить, что основы такой нумерологии заложил В.М. Кириллин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Кириллин В.М.** Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.; **Кириллин В.М.** Поэтика иносказания в литературе Древней Руси (символика чисел: ее своеобразии и формы). Диссер. в форме научного доклада... докт. филол. наук. М., 2001. 56 с.
2. **Дробленкова Н.Ф.** Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 1. Часть 1. С. 330-336.
3. **Яблонский В.** Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.
4. **Клосс Б.М.** Избранные труды. М., 1958. Т. 1.
5. **Грачев Г.В., Мельник И.К.** Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Ин-т философии РАН. М., 1999. 235 с. Содержание: Часть 1: Тайны принуждения личности как способ социального управления. Ч. 2: Комплексные организационные технологии тайного принуждения личности. Ч. 3: Технологии тайного принуждения личности в массовых информационных процессах. Ч. 4: Технологии тайного принуждения личности в межличностном взаимодействии. Ч. 5: Ложь как средство манипуляции.
6. Арифмология, сиречь числословие, всех яже нас учить могут числом объемлемое // Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. статья О.А. Белобровой. Л., 1978.
7. **Симонов Р.А.** Древнерусская календарно-вычислительная практика и духовная культура // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995.
8. **Симонов Р.А.** Древнерусское значение понятий, восходящих к термину «математика» // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып. 32-33.

9. **Симонов Р.А.** «Учение» Кирика - оригинальное древнерусское произведение // Историко-математические исследования. Вторая серия. М., 1999. Вып. 4 (39).

10. **Романова А.А.** Методика «малого года» для расчета круга солнца и луны в русской рукописи XV века // Букинистическая торговля и история книги. М., 1998. Вып. 7.

11. **Пентковский А.М.** Календарные таблицы в русских рукописях XIV-XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Часть 1.

12. **Климишин И.А.** Календарь и хронология. М., 1985.

13. **Цыб С.В.** Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.

14. **Коняевская Е.Л.** Авторское самосознание древнерусского книжника (XI-середина XV в.). М., 2000.

15. **Likchatchev D.** Further remarks on the problem old Russian culture // Slavic Review, 1963. March.

16. **Прохоров Г.М.** Памятники переводной и русской литературы XIV-XV вв. Л., 1987.

17. **Иванов Вяч.Вс.** Нейропсихологические модели и возможность их применения к истории русской средневековой культуры // Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание. М., 1997.

18. **Мильков В.В.** Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI-XV вв. Дисс. в форме научн. доклада ... доктора философских наук / Ин-т философии РАН. М., 2000.

19. **Симонов Р.А.** О новой концепции религиозно-философского «пространства» Древней Руси: к методологии изучения древнерусской символики // Гербовед. 2000. № 7 (45).

20. Например, **Симонов Р.А.** О новом древнерусском тексте 1138 г. // Историко-математические исследования. (ИМИ). Вторая серия. М., 1995. Вып. 1 (36). С. 66-84; **Симонов Р.А.** Новое о методах рационализации счета славянскими пасхалистами (по рукописям XIV-XVII вв.) // ИМИ. Вт. серия. М., 1999. Вып. 3 (38). С. 11-31; **Симонов Р.А.** Новые материалы по истории математики Древней Руси // ИМИ. Вт. сер. М., 2000. Вып. 5 (40). С. 244-271; **Симонов Р.А.** 2000-летие христианства в свете древнейшей русской календарной символики // Гербовед. 2000. № 1 (39). С. 18-31.

21. **Демидов С.С.** Об историко-математических работах Р.А. Симонова // Гербовед. 2000. № 2 (40).

22. **Fedotov G.P.** The Russian Religios Mind. Vol. 1: Kievan Christianity. The 10-th to the 13-th Centuries. Cambridge, 1946.